

И.С. Башмаков**I. Bashmakov****НЕОТРАДИЦИОНАЛИЗМ В
ПОЛИТИКЕ: ФАКТОРЫ,
МОДЕЛИ И МЕХАНИЗМЫ
РЕАЛИЗАЦИИ В
СОВРЕМЕННЫХ
УСЛОВИЯХ****NEO-TRADITIONALISM IN
POLITICS: FACTORS,
MODELS, AND
MECHANISMS OF
REALIZATION IN MODERN
CONDITIONS****Аннотация**

В статье представлены результаты исследования феномена неотрадиционализма в политике. Анализируются факторы, цели использования неотрадиционализма в политике, проявления и модели неотрадиционализма на материалах зарубежных стран, а также основные институты, практики и инструменты неотрадиционализма в политике.

Цель исследования – описать неотрадиционализм как политический феномен, выявить факторы использования неотрадиционализма в политике, сходства и отличия данного процесса в различных странах, охарактеризовать институты, практики и технологии политического неотрадиционализма.

В статье проведен анализ различных подходов к описанию неотрадиционализма в зарубежной и отечественной науке. В авторской интерпретации неотрадиционализм как политический феномен описывается в качестве комплекса разнообразных явлений, связанных с использованием, переосмыслением и обновлением традиции в современной политической практике.

Исследование основано на сравнительном анализе общественно-политических систем зарубежных стран и политико-культурных макрорегионов. Основными причинами распространения неотрадиционализма в современной политике являются необходимость к адаптации к происходящим общественно-политическим изменениям, снижение влияния традиционных идеологий, стремление стран определить ориентиры суверенного развития.

Автором определены четыре модели использования неотрадиционализма в политике: исламская, китайская, индийская и европейская, которые отличаются по

Abstract

This article presents the results of a study of the phenomenon of neotraditionalism in politics. It analyzes the factors and purposes of neotraditionalism in politics, its manifestations and models, using materials from foreign countries, as well as the main institutions, practices, and instruments of neotraditionalism in politics.

The purpose of this study is to describe neotraditionalism as a political phenomenon, identify the factors underlying its use in politics, the similarities and differences between this process in different countries, and characterize the institutions, practices, and technologies of political neotraditionalism.

The article analyzes various approaches to describing neotraditionalism in foreign and domestic scholarship. In the author's interpretation, neotraditionalism as a political phenomenon is described as a complex of diverse phenomena associated with the use, reinterpretation, and renewal of tradition in contemporary political practice.

The study is based on a comparative analysis of the socio-political systems of foreign countries and political and cultural macroregions. The main reasons for the spread of neotraditionalism in contemporary politics include the need to adapt to ongoing socio-political changes, the diminishing influence of traditional ideologies, and the desire of countries to define guidelines for sovereign development. The author identifies four models of neotraditionalism in politics: Islamic, Chinese, Indian, and European. These models differ in their ideological foundations, institutional structure, and degree of openness to innovation. Tools of neotraditionalism include legislative changes, symbolic, informational, and edu-

своим идеологическим основам, институциональному оформлению, степени открытости инновациям. В качестве инструментов неотрадиционализма можно выделить изменения законодательства, символическую, информационную и образовательную политику.

Неотрадиционализм в качестве практики переосмысления и использования традиционного опыта в актуальном контексте служит для решения идеологических и практических задач современной политики. Политические неотрадиции формируют солидарность, чувство сообщества, коллективный образ будущего.

Ключевые слова:

неотрадиционализм, политика, политические институты, политические технологии, практики неотрадиционализма, политические традиции.

cational policies.

Neotraditionalism, as a practice of rethinking and using traditional experience in a contemporary context, serves to address the ideological and practical challenges of contemporary politics. Political neotraditions foster solidarity, a sense of community, and a collective vision of the future.

Key words:

neotraditionalism, politics, political institutions, political technologies, neotraditionalism practices, political traditions.

<https://doi.org/10.24412/2227-1538-2026-1-44-64>

Традиции, в том числе политические, существуют во всех государствах и обществах, именно они обеспечивают преемственность в развитии социума, являются необходимым механизмом воспроизводства и интерпретации духовного и социально-политического наследия страны. Политические традиции, во-первых, обеспечивают наглядность власти и ее преемственность, во-вторых, предоставляют гражданам общие символы, память и ассоциации для поддержания общественного порядка, особенно в период кризисов, в-третьих, генерируют чувство гражданской принадлежности, обеспечивающей стабильность существования государства (Ai, 2015). Однако, традиции не являются чем-то неизменным, между различными обществами происходит постоянный культурный обмен, в связи с чем происходит изменение или обновление традиций. Внутренние факторы развития общества также могут влиять на изменение содержания или формы традиции, обуславливать их развитие или трансформацию. Таким образом, несмотря на разрушение традиции, которое происходит в обществе модерна (Бек, 2000; Giddens, 1994) в современном мире традиции сохраняются, но их значение и функции существенно меняются. Они перестают быть привязанными к определенному месту, а становятся элементом массовой коммуникации (Thompson, 1996).

В современных условиях глобального культурного обмена и взаимовлияния традиции утрачивают свою неизменность и обязательность. В результате развития новых форм коммуникаций, технологий и социальных

практик традиции приобретают инновационный характер, часто сохраняя традиционное содержание. Традиции и инновации, таким образом, образуют единство, являясь объектом выбора, интерпретации и актуализации (Гофман, 2015). С повышением роли традиций в современных условиях связан феномен неотрадиционализма, то есть актуализации новых традиций, которые являются интерпретацией прошлого опыта, но направлены на формирование будущего, становятся своего рода способом преобразования современного общества на традиционных началах.

Актуальность исследования феномена неотрадиционализма в современной политике обусловлена тем, что миропорядок, построенный, прежде всего, на западной системе ценностей и моделях развития, находится в кризисе, значительно усилившемся в последнее время, в связи с противостоянием со стороны других центров формирующегося многополярного мира. Страны и общества так называемого «третьего мира» часто недовольны сложившейся системой однополярного глобализма, в которой ведущую роль играют страны «золотого миллиарда», а также распространением либеральной массовой культуры со специфической системой морали, во многом базирующейся на отказе от традиционных ценностей. В связи с этим многие, преимущественно незападные государства, находятся в поиске новых социально-культурных и политико-идеологических ориентиров для развития собственных стран и обществ, без отрицания своих историко-культурных, социально-политических и религиозных традиций. Таким образом, развитие неотрадиционализма происходит как на уровне политической идеологии, так и на уровне общественных ожиданий.

Концепт неотрадиционализма в зарубежных и отечественных исследованиях

Феномен неотрадиционализма начинает изучаться на стыке социальных и политических наук, начиная с 80-х гг. XX века. В зарубежной науке сложилось несколько теоретических подходов к описанию данного феномена, проявляющегося в политической жизни. Первый подход уделяет внимание так называемым «изобретенным традициям», то есть намеренно созданным для использования в политической практике, прежде всего в целях национального строительства в XIX – первой половине XX века (Hobsbawm, 1983; Mawdsley, 2005). Как отмечает Э. Хобсбаум, «традиции, которые претендуют на древность, часто недавние по происхождению и иногда изобретенные» (Hobsbawm, 1983, р. 1). Неотрадиции в рамках данного подхода представляют собой искусственно созданные элитами институциональные

структуры, социально-политические обычаи и символы в целях формирования современных государств-наций.

Второй подход связан с анализом частичного возврата к практикам традиционализма в условиях современного модернизирующегося общества (Walder, 1986; Jowitt, 1983; Womack, 1991). Авторы изучают современные им незападные государства второй половины XX века (коммунистические Китай и СССР, страны Африки) и приходят к выводу, что по мере либерализации данных режимов происходит возврат к традиционным, либо архаическим общественно-политическим практикам, таким как патрон-клиентские отношения или кумовство, которые начинают оказывать существенное влияние на характер общественных отношений в данных государствах. Представители более современного третьего подхода, настаивают на том, что традиции могут быть не только изобретены, но и трансформированы или адаптированы для использования в новых реалиях, то есть сочетать в себе как местные культурные особенности, так и привнесенные инновации (Spear, 2003; Melito, 2022).

По мнению ряда авторов, использование неотрадиционализма в политике незападных стран в современных условиях часто происходит по причине отторжения идей космополитизма и мультикультурализма, а также сопутствующего им нового экономико-политического колониализма западного общества (Melito, 2022; Mach, 2022; Benczes et al, 2020). Концепт неотрадиционализма в современной зарубежной науке разрабатывается прежде всего в рамках конструктивистской и инструменталистской парадигм, отвергающих примордиалистское стремление к социальному детерминизму и неизменности, подчеркивающих сознательный, изменчивый и преднамеренный характер таких социальных структур как идентичность, память или традиции, которые могут быть использованы в прикладных политических целях.

В отечественной науке в 90-х гг. XX века также возникает интерес к теме возврата и возрождения традиции в современной социально-политической практике, данный феномен стал трактоваться как архаический синдром (Следзевский, 1992). Однако, рассмотрение феномена происходит прежде всего на основе социологических, либо этнографических данных. Иррационализация и архаизация массового сознания в постсоветском обществе, а также сознательный поиск новых духовных ориентиров, с опорой на традицию, проявлявшиеся в частности в таких явлениях, как возврат к религиозности, неоязыческим и другим духовным практикам, возрождение казачьих, этнических, сословных традиций приводит к увеличению интереса в отечественной науке к феномену нового традиционализма со стороны преж-

де всего социальной антропологии (Ламажаа, 2010; Орешкова, 2013; Бочаров, Попов, 2019; Попков, Тюгашев, 2020).

Неотрадиционализм в рамках социально-антропологического подхода трактуется как этнокультурное явление, как «актуализация потенциала традиционной культуры этноса на всех ее уровнях – от культурного ландшафта и хозяйственно-бытовой культуры до политико-правовой и духовной культуры» (Попков, Тюгашев, 2020, с. 117). Представители данного подхода подчеркивают, что неотрадиционализм следует отличать от традиционализма и архаизации. Так, Ю.А. Орешкова отмечает, что в отличие от неотрадиционализма традиционализм базируется на консервации и абсолютизации традиций, отказе от инноваций, замкнутости (эксклюзивности), меньшей рефлексивности (рациональности) и неукоснительном следовании традициям (Орешкова, 2013). Современный неотрадиционализм в работах российских антропологов предстает в виде сочетания инноваций и традиций, необходимого для адаптации жизни этносов и общества в целом к современным реалиям глобализирующегося и быстро изменяющегося мира. Неотрадиционализм, в представлениях отечественных антропологов, ориентирован не только на прошлое, но и на будущее.

В отечественной политологической науке также имеется ряд работ, посвященных явлению неотрадиционализма (Тян, 2019; Середа, 2011; Букалова, Меркулова, 2021; Михалева, 2022; Узун, 2023). Так, В.В. Тянь отмечает, что в посттрадиционном обществе в условиях кризиса власть, борясь с политической турбулентностью, ради достижения политической стабильности в обществе, обращается к неотрадиционализму, что, в частности, по мнению исследователя, проявляется в неоконсервативной модернизации современного российского общества. В.В. Тянь трактует политический неотрадиционализм как расширение неформальных отношений во власти (Тян, 2019). Несмотря на наличие достаточно большого числа работ, посвященных отдельным аспектам и проявлениям политического неотрадиционализма, существуют нехватка теоретических и практических исследований явления неотрадиционализма в отечественной политической науке, необходима дальнейшая концептуализация термина политический неотрадиционализм в рамках политической науки, проведение прикладных исследований данного феномена общественно-политической практики. Не выясненными до конца остаются факторы использования неотрадиционализма в политике, сходства и отличия данного процесса в различных странах, классификация институтов, форм, практик и технологий политического неотрадиционализма.

Неотрадиционализм как политический феномен включает в себя комплекс разнообразных явлений, связанных с использованием, переосмысле-

нием и обновлением традиции в современной политической практике. В результате развития неотрадиционализма в политике старые политические идеи, практики и институты занимают свое место и реализуются в новом политическом контексте, либо создаются новые политические структуры или нормы, которые имеют традиционное ценностное наполнение. Неотрадиционализм в политике может иметь несколько форм – от сознательного и целенаправленного использования в политических процессах традиций в целях легитимации власти и социальной консолидации до стихийных, либо сознательно конструируемых проявлений массового традиционализма, которые могут приводить к созданию новых общественно-политических движений.

Для рассмотрения неотрадиционализма в политике будет применен ряд теоретических подходов. Базовыми являются методологические принципы социального конструктивизма, где сообщество предстает в виде социального конструкта, воображаемого и конструируемого людьми, считающими себя его частью (Б. Андерсон), а также идентитарный подход, позволяющий интерпретировать социально-политические и социально-экономические изменения с точки зрения трансформации идентичности и процессов идентификации. Групповая идентичность в рамках конструктивистского и идентитарного подходов описывается не как раз и навсегда данная устоявшаяся особенность самосознания, а в качестве изменчивой когнитивной, ценностной и поведенческой структуры с определенным набором символов, идей и практик. Эти структуры, по мнению теоретиков конструктивизма, эволюционируют в процессе общественного и личного развития, а также целенаправленного конструирования.

Также в качестве основы исследования выступает цивилизационный подход к политике, который базируется на цивилизационной парадигме (О. Шпенглер, А. Тойнби, В. Данилевский) и подчеркивает плюралистический характер путей государственного и политического развития (С. Хантингтон, В.В. Ильин, А.С. Ахиезер, А.С. Панарин, В.Л. Цымбурский), в противовес универсалистским теориям. Цивилизационный подход в процессах политического развития отдает приоритет общественно-солидарным началам, а не конкурентным, характерным для западно-центристских и глобалистских теорий. В связи с этим необходим учет специфики отдельных стран и цивилизаций, прежде всего в ценностно-идеологической сфере политики, но также и в смежной с ней сфере конкретной общественно-политической практики.

Также в рамках данной статьи применен аксиологический подход к политике (В.В. Ильин, А.С. Панарин, Д.В. Бадковский), согласно которому изменения в системе аксиологических координат общества могут служить основой для последующих изменений в структурных элементах обществен-

но-политической жизни в целом, а также неоинституциональный подход, в рамках которого политические институты расцениваются как устойчивые комплексы формальных и неформальных правил, обеспечивающих взаимодействие акторов политики (Д. Норт, Э. Остром, А.И. Соловьев, С.В. Патрушев, П.В. Панов, О.И. Зазнаев и др.).

Исследование основано на сравнительном анализе общественно-политических систем различных стран. Эмпирической основой исследования выступили факты и события политической истории зарубежных стран начиная с середины XX века, а также данные исследований других авторов.

Факторы возникновения и цели использования неотрадиционализма в современной общественно-политической жизни

Неотрадиционализм возникает в обществе в условиях быстрых и кардинальных изменений, причем не только на современном его этапе. Э. Хобсбаум, например, рассматривал неотрадиционализм как один из механизмов создания в XIX – начале XX века национальных государств и конструирования новых национальных общностей, прежде всего европейских, основанных на общих культурных символах и исторических мифах. Выводы других исследователей (Walder, 1986; Spear, 2003), говорят о том, что в результате распространения модернизационных процессов, общество начинает прибегать к «старым» формам организации социального и политического пространства, которые упорядочивают общественную жизнь, делают ее более привычной и предсказуемой. Т. Спир отмечал, что социальная конструкция традиций, законов и этничности колониальной администрации в Африке имели целью использование механизма традиции, привычного для данных обществ, в целях сохранения социального порядка для подчинения африканских сообществ колониальному правлению (Spear, 2003). Таким образом, феномен развития неотрадиционализма не является новым, схожие процессы происходили, начиная с XIX века (а возможно и в более ранние периоды кардинальных общественных трансформаций) в связи с переходом от традиционного аграрного общества к более современному индустриальному, необходимостью формирования наций, как новой основы политической лояльности и гражданской мобилизации.

Резкие изменения общественной морали и традиционной социальной структуры могут быть причинами обращения к неотрадиционализму. Социальные перемены могут вызывать недовольство, либо страх общества или отдельных социальных групп в результате быстрого расширения политических прав и свобод, наступления индивидуализированного постиндустриального общества и распространения унифицированной западной культуры

в быстро глобализирующемся мире. Радикальные перемены, такие как миграция, революция, быстрые политические преобразования, изменение экономической среды лишают людей чувства безопасности (Bauman, 2006). Таким образом, обращение к традиции позволяет вновь обрести утерянную безопасность и мировоззренческие ориентиры. Изначально устремленные к демократизации и либерализации на западный манер незападные общества быстро разочаровываются в не всегда успешных изменениях и выбирают путь возврата к традиционализму, либо продолжают развитие, но с опорой на собственный цивилизационный опыт и традиции. Схожие явления могут происходить и в среде западного общества, охватывая отдельные его субкультуры, например, мигрантские, этнические, региональные или религиозные сообщества, выбирающие путь не интеграции, а обособления и создания, замкнутых традиционалистски ориентированных групп.

Процессы распространения неотрадиционализма связаны со снижением влияния на рубеже 80-90 гг. XX века таких классических европейских идеологий как либерализм и коммунизм, и одновременной реидеологизацией стран третьего мира, на основе национальных или религиозных идей, что например, проявилось в возникновении и распространении главной современной оппозиции западной капиталистической идеологии – исламского фундаментализма. Как отмечает А.Б. Гофман, современный религиозный или этнический фундаментализм представляет собой радикальную инновацию, выступающую от имени традиции (Гофман, 2015). По мнению М. Ризеброта, фундаментализм – это городское движение, инициированное средним классом, его реакцией на распад патриархальных идей порядка и социальных отношений в условиях быстрой урбанизации, индустриализации и секуляризации (цит. по: Васильев, 1996). Неотрадиционализм, как современная политическая идеология, имеет схожие черты с консерватизмом. Консерватизм возникает на рубеже XVIII – XIX вв., в качестве идеологии, отстаивающей приверженность традиции в противовес происходящим радикальным социальным изменениям. Неотрадиционализм также подразумевает возрождение традиции, становится своего рода защитной реакцией на социально-культурные трансформации и сопутствующее социально-экономическое неравенство.

Однако, неотрадиционализм в политике следует отличать от консерватизма, традиционализма или фундаментализма, отвергающих прогресс и реформы. Неотрадиционализм сочетает в себе традиции и инновации, не подразумевает возврата к доиндустриальной архаике и использует идеи прошлого для движения к будущему, следовательно, может быть новым стимулом в политике развития для стран, которые видят потребность в продолже-

нии участия в капиталистической конкуренции и принимают реалии современного технологичного мира. Неотрадиционализм в политике становится необходимым в целях обретения собственной политической идентичности, основанной на национальных и цивилизационных культурных ценностях, в противовес чужой политической идеологии и практике.

Очевидно, что в условиях глобализирующегося мира, современной общественно-политической турбулентности и размывания национальных и этнических общностей неотрадиционализм может использоваться «сверху» в целях консолидации общества на основе традиционных ценностей, поддержания и укрепления гражданской общности и связанных с ними национальной памяти и гордости. Неотрадиционализм берет свою основу в исторической памяти, ценностных установках, коллективной идентичности, в связи с этим для власти становится своего рода ресурсом легитимации, единения с обществом, мобилизации для достижения общих целей развития. Неотрадиционализм может использоваться не только в целях консервации и укрепления существующего политического строя, но и в целях суверенного развития, с опорой на собственные силы и поддержку общества в условиях конкуренции мирового рынка. Политический неотрадиционализм приводит к созданию новых социально-политических институтов и практик, часто имеющих форму ритуала или обычая, берущих в качестве образца традиционные формы общественной жизни, но имеющие новые функции для решения современных проблем и задач.

Также возможно развитие неотрадиционализма «снизу», который может иметь как конструктивный характер, так и приобретать более крайние и архаичные формы, в качестве своего рода стремления общественных лидеров, групп и движений к признанию, возмещению прошлых обид и притеснений, критике и гражданскому сопротивлению происходящим в обществе культурным изменениям. Лидеры стихийного неотрадиционализма и их последователи стремятся к возрождению идеализированного прошлого и «золотого века» на основе коллективной памяти. При этом возрождаются не все традиции и обычаи, а только те, которые можно использовать в современных условиях, либо изобретаются новые, но часто претендующие на древнее происхождение. В случае возникновения общественно-политического неотрадиционализма «снизу» политические элиты вынуждены реагировать на общественное движение, либо запрещая его, либо используя его идеи. Таким образом, может происходить интеграция неотрадиционализма «сверху» и «снизу», включение массового варианта в политическую повестку, государственные практики, трансформация крайнего политико-культурного и внесистемного традиционализма в более умеренный официальный неотрадиционализм.

Проявления и модели неотрадиционализма в современной политике

Одним из примеров проявления неотрадиционализма в политике являются страны исламского мира (арабские страны, Иран, Турция, страны Центральной Азии), в которых экономические, политические и социальные преобразования, происходящие на протяжении XIX и XX вв., благодаря проникновению западных идей, культуры, общественно-экономической модели развития, привели к быстрым изменениям в социуме, прежде всего к ломке традиционных связей между людьми. Общественное недовольство привело к так называемому исламскому возрождению (таджиду), которое началось во второй половине XX века и воплотилось в стремлении преобразовать общество на началах ислама и мусульманских традиций. А. Суссер, отмечает, что процесс модернизации на Ближнем Востоке, включая Турцию и Иран, сопровождался повсеместным возвращением неотрадиционализма, в частности, политического Ислама, религиозного сектантства, а в некоторых странах также трайбализма (Susser, 2015). Исследователь выделяют несколько факторов, способствовавших популярности неотрадиционализма в странах Ближнего Востока: 1) Модернизация и европеизация на протяжении двух последних веков навязывалась сверху, традиционализм становился ответной реакцией на эти преобразования; 2) Коллективистский характер культуры мусульманских стран, принадлежность к группе в них всегда была основана на традициях; 3) На Ближнем Востоке государство и религия никогда полностью не отделялись друг от друга. Несмотря на волны секуляризации, всегда сохранялось место для мусульманских традиций в законодательстве и государственном управлении; 4) Вследствие распространения европейских идей национализма произошла территориализация религиозной и национальной идентичности, которая привела к усилению межнациональных и религиозных противоречий и конфликтов (Susser, 2014).

Отличительной чертой данной модели неотрадиционализма является четко выраженный религиозный характер, проявляющийся в сближении или даже совмещении светских и религиозных властей, стремлении воплотить религиозные ценности в жизни. По мнению М. Ризеброта, фундаментализм в Иране из религиозного превратился в политический и привел к исламской революции (Васильев, 1996). Схожие процессы происходили во многих мусульманских странах, однако характер протекания, практики и институты неотрадиционализма в политической жизни, степень радикализма могут иметь существенные отличия в исламских странах, а также у представителей разных социальных и конфессиональных групп Ближнего Востока. В целом в

условиях развития исламского неотрадиционализма возникают новые и используются старые «традиционные» политические и правовые институты (например, имамы, аятоллы, шейхи, в качестве политических институтов, шариат и Коран в качестве правовых норм). При этом в дополнение к исламской возможна и этнонациональная риторика, апелляция к исторической памяти, базирующейся на представлениях о «золотом веке» и исторических личностях (Османская империя, Арабский халифат, правления Тимура и т.д.). Обращение к историческим корням тем не менее сочетается со стремлением к обновлению религии и поиском новых подходов к исламу (особенно в исламском религиозном неотрадиционализме, возникшем в среде мусульман на Западе), а также со стремлением к развитию и сотрудничеству с другими странами, что проявляется в политической (неоосманизм, строительство «Великого Турана» и пр.) и экономической сферах (выгодное участие в мировой торговле, характерное для Турции, стран Персидского залива и других стран).

Индийская модель неотрадиционализма в политике возникает как результат борьбы с британским колониализмом и инокультурным (христианским и мусульманским) влиянием и стремления обрести уникальную национальную идентичность в современных условиях. Выражается в популярности как общественных фундаменталистских движений, например хиндута (санскр. «индусскость»), так и в официальном политическом индуистском национализме, набравших популярность в Индии с конца 80-х годов XX века. Как отмечает П. Чако, «хиндута – это реакционная политика идентичности, которая озабочена внутренней разобщенностью, внешними угрозами и прославлением утраченной славы цивилизации путем поддержания традиционных социальных иерархий» (Chacko, 2023, p. 552). Тенденции возврата к неотрадиционализму стали очевидными, после разрушения мечети Бабри в 1992 году индуистами, а также в связи с длительным нахождением у власти ведущей партии «Бхаратия джаната парти» (с 1998 по 2004 гг., затем с 2014 года), поддерживающей ценности хиндутвы и индуистского национализма.

Данная модель в отличие от исламской сочетает в себе в равной степени религиозный и национальный характер. Для индийского неотрадиционализма характерно отстаивание приоритета обязанностей перед обществом над личными правами, сохранение традиционных кастовых, гендерных, классовых социальных иерархий, а также политика исторической памяти, представляющая историю Индии как борьбу против иностранцев (Chacko, 2023). Несмотря на обращенность в прошлое индуистского национализма (в «золотой ведический век») и риторику, направленную на противостояние с

мусульманским вторжением и европейским колониализмом, зарубежным влиянием в целом, а также интеграцию традиционной индуистской культуры в политическую и правовую практику, на уровне государства присутствует стремление сочетать традиции и инновации. Так, на официальном уровне подчеркивается необходимость экономического развития, активной роли Индии в мировой повестке, достижении целей развития, сформулированных ООН и т.д.

Китайская модель неотрадиционализма основывается на «идеологии социализма с китайской спецификой», сформулированной в 1981 году Д. Сяопином и озвученной на XII съезде КПК. Данная концепция знаменовала отход от стремления воплотить в жизнь идею «чистого коммунизма», то есть сочетать коммунизм и философию «особого пути» и китайских традиций. Исследователь Дж. Ай видит причины использования традиций в политической практике современного Китая, во-первых, в постепенном отходе от коммунистических идей после перехода к рыночной экономике в 1978 году, во-вторых, в необходимости противостояния набравшему популярность в Китае западному либерализму. Неотрадиционализм, таким образом, необходим современному Китаю для новой легитимации партии-государства, вследствие утраченной легитимности марксистско-ленинской идеологии (Ai, 2015). На практике политика неотрадиционализма воплощается в череде экономических реформ, большей открытости к капиталистическому миру, вместе с тем планомерном отстаивании национальных интересов и ценностей, а также китайской модели глобализации и развития. Нынешний председатель КНР Си Цзиньпин продолжает данную традицию, так в 2018 году идея социализма с китайской спецификой была включена в конституцию государства.

Обращение к истории и традициям играет в китайском неотрадиционализме второстепенную роль и идеологически Китай больше устремлен в будущее. Тем не менее, идеи китайской специфики занимают все более важное место в социально-экономической и политической повестке, а также в общественно-политической практике и частной жизни. Как отмечает Ай, особенностью китайских неотрадиционалистов (то есть представителей китайской политической элиты, выступающей за усиление китайской специфики) является то, что они не являются крайними традиционалистами, противостоящими модернистам и либералам. Они благосклонны к совмещению китайских традиций и западного либерализма, а также к китайской модернизации (Ai, 2015). Примером проявления китайского неотрадиционализма может быть неоконфуцианство, своего рода синтез традиционной китайской мысли и достижений европейской культуры, выражающийся в практиках китайского менеджмента, образования и госслужбы, риторике и слоганах

политиков, черпающих вдохновение в китайском конфуцианстве. В политической, а также социально-экономической практике используются идеи прошлого, в частности это отражается в названии известных китайских международных проектов, например, «Один пояс, один путь», то есть современный Шелковый путь на основе продолжения и развития духа древнего Шелкового пути, или в названии государственных институтов «мягкой силы» (международные институты Конфуция для изучения китайского языка, традиций и культуры).

Европейская модель неотрадиционализма в политике включает в себя неотрадиционалистские политические практики, распространившиеся во многих странах прежде всего в Центральной и Восточной Европе (Польша, Венгрия, Словакия) в результате недовольства европейской неolibеральной политикой. Как отмечает Ф. Мелито, европейский неотрадиционализм имеет два основных контраргумента против либерального Запада в поддержку «подлинной традиционной Европы». Во-первых, неотрадиционализм эмансипацию и изменчивую идентичность либерализма противопоставляет культурно обусловленной европейской идентичности, предоставляющей психологическую безопасность и устойчивость. Во-вторых, в нем осуждается иностранное происхождение западного прогрессизма. Запад описывается как колониальная держава, стремящаяся разрушить «подлинный образ жизни» (Melito, 2022).

По мнению сторонников европейского неотрадиционализма, опасность западных леволиберальных идей и ценностей должна быть преодолена с помощью традиционных ценностей: религии, семьи и этнической нации. Помимо современного либерализма и прогрессизма европейский неотрадиционализм отвергает коммунистическое прошлое, а также посткоммунистические период в развитии этих стран (Benczes et al., 2020). В политическом плане современный европейский неотрадиционализм выражается прежде всего в евроскептицизме и электоральной поддержке консервативных партий, отстаивающих национальные интересы и традиционные европейские ценности. Проявлениями европейского неотрадиционализма можно считать клерикализацию, тесные связи политиков с католичеством, законодательную защиту традиционных ценностей (например, законодательный запрет абортов в Венгрии), критику политики европейских властей. Тем не менее курс на общеевропейское развитие и модернизацию сохраняется и в рамках данной модели.

Очевидно, что практики неотрадиционализма реализуются и в других странах, как западного, так и незападного мира. Яркими примерами могут быть Израиль, Япония, Южная Корея, страны Юго-Восточной Азии и постсоветского пространства.

Институты, практики, инструменты неотрадиционализма в политике

Неотрадиционализм как политический феномен осуществляется посредством различных институтов, практик и инструментов государственного управления и общественно-политической жизни, воплощающих идеи сочетания традиций и современности на практике. Институты неотрадиционализма представляют собой воссозданные или новые правовые нормы и общественно-политические учреждения, использующие национальные, религиозные или этнокультурные идеи, традиции и обычаи прошлого в современной общественно-политической практике, в частности в целях укрепления гражданской идентичности и дальнейшего суверенного развития. Ярким примером может быть исламские политические и правовые институты, внедренные в практики государственного управления многих стран Ближнего Востока, начиная с 70-х гг. XX века, в результате развития общественно-политического и религиозного движения исламского возрождения. Например, уже в 1971 году в Конституции Египта было указано, что шариат является источником законодательства страны. Впоследствии многие страны региона приняли нормы шариата в качестве основы для законодательства, либо отдельных его отраслей, например семейного права. После иранской исламской революции в Иране был создан официальный государственный институт духовного лидера, как посредника между имамом и религиозной общиной. Имеются и другие примеры использования традиционных институтов и их адаптации в современных условиях, реализуемые в рамках других моделей неотрадиционализма, например традиционный кастовый институт Панчияты в Индии, который в современных условиях превратился в орган местного сельского самоуправления и пр.

Практики неотрадиционализма включают в себя как формальные, так и неформальные общественно-политические взаимодействия, повторяющиеся время от времени, либо имеющие постоянный или рутинный характер и превращающиеся в современных условиях в новые политические обычаи или ритуалы. Неотрадиционные практики удовлетворяют общественные и государственные интересы и потребности в консолидации, легитимации, мобилизации общества и власти в целях отстаивания коллективной идентичности, либо реализации задач государственного развития. При этом формальные демократические институты часто дополняются неформальными и неотрадиционными. Примерами неотрадиционных практик может быть распространение ношения хиджабов в исламском мире, зачастую в качестве моды или обязанности по их ношению как введенной офи-

циально (например, в Иране и Саудовской Аравии), так и предписываемой со стороны духовенства или общественной морали. Распространение популярности ношения традиционной одежды наблюдается и в других странах, например, в Китае общественное движение Ханфу, популяризирующее традиционную одежду ханьских женщин, стало заметным начиная с 2003 года. Сейчас данное движение имеет большое количество сторонников и также является примером неотрадиционализма «снизу», дополняющим официальный китайский неотрадиционализм.

Инструменты неотрадиционализма в политической жизни – это различные способы и технологии, с помощью которых политические субъекты, используя воссозданные, либо сконструированные неотрадиции, распространяют свои идеи и отстаивают политические интересы в обществе, среди них можно выделить следующие разновидности:

Изменение законодательства (институционализация неотрадиционализма), включающая приведение законодательства в соответствие с религиозными нормами, национальными или традиционными ценностями, создание новых, либо совершенствование старых политических институтов, основываясь на опыте прошлого. Например, в конституцию Венгрии внесли положение, что народ Венгрии объединяет Бог и христианство. В конституции и государственном управлении Индонезии нашли отражение принципы «Панча силы», которые включают в себя веру в единого Бога и религиозность и другие положения, отражающие национальную специфику и лежащие в основе государственного управления. Семейный кодекс многих мусульманских стран базируется на шариате, например, в Иране, Пакистане и др. странах.

Инструменты символической политики, политики памяти (восстановление и строительство новых памятников и монументов, организация массовых мероприятий, введение новых праздников, ассоциирующихся с прошлым, национальными и религиозными традициями, общественно-политические церемонии и ритуалы). Например, Индия на мероприятиях международного уровня все чаще использует самоназвание государства на хинди (указанного в конституции страны) «Бхарат», а не английское наименование «Индия», что является одновременно и символической борьбой с колониализмом и стремлением сделать название страны более национальным. Также в качестве примера можно отметить строительство гигантских монументов буддистским и индуистским богам в Китае, Индии, странах Юго-Восточной Азии.

Продвижение идей национальной, религиозной и цивилизационной идентичности через непосредственную политическую риторику, публикации и высказывания политиков в СМИ и социальных сетях. Неотрадиционалист-

ские идеи также могут отражаться в названиях проектов и программ социально-экономического развития, государственных документах, концепциях и стратегиях. С. Бийод в своей работе показал, как в Китае начиная с 1980-х годов используются неоконфуцианский дискурс, то есть неоконфуцианские идеи, а также мысли конфуцианских философов цитируются и воплощаются в официальных выступлениях китайских руководителей (Billioud, Thoraval, 2015). Неотрадиционный дискурс характерен для многих политиков в западных странах, он помогает сформировать чувство национальной идентичности, увеличить лояльность населения, консолидировать общество.

Инструменты образовательной политики, включающие в себя реформирование школьной и вузовской программы, создание новых учебных дисциплин и учебников, использование национальных и религиозных традиций в обучении и воспитании, также используются в неотрадиционализме. Эти новшества призваны сформировать историческую память, коллективное самосознание, быть средством национально ориентированного воспитания, сохранить преемственность в восприятии прошлого и настоящего страны. Например, в Китае начиная с 1990 года в программу обучения включается обязательное чтение китайской классической литературы. В рамках мусульманского религиозного возрождения в странах Ближнего Востока, а затем и постсоветского пространства большое внимание стали уделять развитию мусульманского образования, а религиозные школы и высшие учебные заведения на протяжении второй половины XX века становятся все более популярными среди мусульман.

В настоящее время неотрадиционализм становится важным элементом политического процесса во многих странах мира. Рассмотренные нами факторы развития неотрадиционализма в политике, примеры моделей общественно-политического неотрадиционализма, выделенные институты, практики и инструменты неотрадиционализма свидетельствуют о том, что опора на традиции, либо конструирование новых традиций отражается в политической жизни современных национальных государств, в том числе в правотворчестве, образовательной и культурной политике, общественно-политической деятельности гражданского общества, религиозных и этнических сообществ. Неотрадиционализм как политический феномен отличается по своим проявлениям от традиционализма, имеющего более архаичный, непрерывный и статичный характер. Неотрадиционализм – это, прежде всего, переосмысление традиций, восстановленная или вновь созданная традиция, которая приобретает актуальность в современном контексте, служит для решения современных идеологических и практических задач. Политические неотрадиции формируют солидарность, чувство сообщества, коллек-

тивный образ будущего. В условиях глобальной нестабильности и экономической конкуренции неотрадиционализм становится фактором, упорядочивающим жизнь общества, делающим ее предсказуемой и безопасной. В отличие от традиционализма политический неотрадиционализм более рационален, не носит крайнего характера, является умеренной альтернативой как чрезмерному модернизму, так и радикальному традиционализму. Неотрадиционализм сочетает в себе традиции и инновации и способствуют развитию сообществ и государства на основе коллективной привязанности и современных традиционных ценностей.

Неотрадиционализм в политике, будучи применением и переосмыслением традиций в новом социально-политическом контексте, приобретает все более и более явственный характер и становится основой политической идеологии и практики во многих странах мира. В новой неотрадиционной модели развития стран инновации и ценности развития не отвергаются, в свою очередь крайние фундаменталистские и радикальные проявления традиционализма, как правило, на государственном уровне не поддерживаются. В идеологическом плане неотрадиционализм выражается в переформатировании официальных концепций и стратегий социально-политического развития стран, программ политических партий и общественных движений и включении в них важных идеологем, базирующихся на историческом прошлом, религиозном опыте или национально-консервативных ценностях. На практическом уровне неотрадиционализм включает в себя совокупность социально-политических институтов, практик, инструментов, переосмысливающих и использующих в современной политической жизни традиционный опыт социально-политического взаимодействия и управления государством. Очевидно, что в условиях трансформации мирового политического порядка актуальность критического анализа теории и практики использования политического неотрадиционализма в современных условиях будет только возрастать. Концепт неотрадиционализма является перспективным аналитическим инструментом и концептуальной рамкой для описания и анализа происходящих в мире общественно-политических изменений и может быть использован для дальнейшего теоретического и эмпирического описания, а также осмысления процесса «возврата традиции» в современном обществе.

Литература

- Ai, J. (2015). *Politics and Traditional Culture: The Political Use of Traditions in Contemporary China*, World Scientific. <https://doi.org/10.1086/683476>.
- Bauman, Z. (2006). *Liquid Fear*. Polity Press.
- Benczes, I., Kollai, I., Mach, Z., Vigvári, G. (2020). Conceptualisation of neo-traditionalism and neo-feudalism. *Poprebel*.
- Billioud, S., Thoraval, J. (2015). *Le Sage et le peuple. Le nouveau confucéen en Chine*. Oxford University Press.
- Chacko, P. (2023). Disciplining India: paternalism, neo-liberalism and Hindutva civilizationalism. *International Affairs*, 99(2), 551-565.
- Giddens, A. (1994). Living in a post-traditional society. In Beck U., Giddens A. and Lash S. (Eds.) *Reflexive modernization. Politics, tradition and aesthetics in the modern social order*. Polity Press.
- Hobsbawm, E. (1983). Introduction: Inventing traditions. In Hobsbawm E. and Ranger T. (Eds.). *The invention of Tradition*. Cambridge University Press.
- Jowitt, K. (1983). Soviet Neotraditionalism: The political corruption of a Leninist regime. *Europe-Asia Studies*, (35), 275-297. <https://doi.org/10.1080/09668138308411481>
- Mach, Z. (2022). Right-wing populism, Euroscepticism, and neo-traditionalism in Central and Eastern Europe. In *The Right-Wing Critique of Europe*. Sondel-Cedarmas, J, Berti, F. (Eds.) Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781003226123-4>.
- Mawdsley, E. (2006). Hindu nationalism, post-colonialism and environmental discourses in India. *Geoforum*, (37), 380-390. <https://doi.org/10.1016/j.geoforum.2005.06.004>
- Melito, F. (2022). Anti-colonial neo-traditionalism in Central-Eastern Europe: A theoretical examination. *New Perspectives*, 30(4), 349-366. <https://doi.org/10.1177/2336825X221135127>
- Spear, T. (2003). Neo-traditionalism and the limits of invention in British colonial Africa. *The Journal of African History*, 44(1), 3-27. <https://doi.org/10.1017/S0021853702008320>
- Susser, A. (2014). *The Contemporary Middle East: The Resilience of Traditional Society*. 8(7). 1-6.
- Thompson, J. B. (1996). Tradition and Self in a Mediated World. In Heelas P. Lash S. Morris. P. (Eds.) *Detraditionalization. Critical Reflections on Authority and Identity*. Blackwell.
- Walder, A. G. (1986). *Communist Neo-Traditionalism: Work and Authority in Chinese Industry*. University of California Press.
- Womack, B. (1991). An Exchange of Views about Basic Chinese Social Organization Review Essay: Transfigured Community: Neo-Traditionalism and Work Unit Socialism in China. *The China Quarterly*, 126, 313-332. <https://doi.org/10.1017/S0305741000005221>
- Бек, У. (2000). Общество риска. На пути к другому модерну. Прогресс-Традиция.

Букалова, С. В., Меркулова К. Г. (2021). Актуальные проблемы и приоритеты культурной политики в России в контексте идеологии неотрадиционализма. *Управленческое консультирование*, 4 (148), 27-35. <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2021-4-27-35>

Васильев, А. В. (1996). Ризеброт М. Набожные страсти. Возникновение современного фундаментализма в Соединенных Штатах и в Иране. Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5, История: Информационно-аналитический журнал, (4), 231-232.

Гофман, А. Б. (2015). Традиция, солидарность и социологическая теория. *Новый Хронограф*.

Ламажаа, Ч. К. (2010). Архаизация, традиционализм и неотрадиционализм. *Знание. Понимание. Умение*, 2, 88-93.

Михалева, А. А. (2022). «Власть традиций»: неотрайбалистское осмысление политики в республиках Дальнего Востока России. *Мир России*, 31(2), 144-162. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2022-31-2-144-162>

Неотрадиционализм: архаический синдром и конструирование новой социальности в контексте процессов глобализации (2019). Отв. ред. В.В. Бочаров, В.А. Попов. Центр информатизации образования «КИО».

Орешкова, Ю. А. (2013). Мифологическое сознание этноса в условиях этнического неотрадиционализма. *Теория и практика общественного развития*. (6). 138-140.

Попков, Ю. В., Тюгашев, Е. А. (2020). Этнокультурный неотрадиционализм и идентичность в современных социокультурных трансформациях. Изд-во НГТУ.

Пространство и время в архаических культурах (1992). Отв. ред. И. В. Следзевский. Ин-т Африки.

Середа, М. В. (2011). Женщины как субъект неотрадиционалистской гендерной политики. *Женщина в российском обществе*, (3), 94-98.

Тян, В. В. (2019) Неотрадиционализм как фактор неоконсервативной модернизации: специфика эволюции власти и управления. *Управление*, 1, 128-136. <https://doi.org/10.26425/2309-3633-2019-1-128-136>

Узунов, В. В. (2023). Фактор неотрадиционализма в развитии консолидационных практик на Юге России. *Гуманитарий Юга России*, 12(3), 46-56. <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2023.3.4>.

References

Ai, J. (2015). *Politics and Traditional Culture: The Political Use of Traditions in Contemporary China*, World Scientific. <https://doi.org/10.1086/683476>.

Bauman, Z. (2006). *Liquid Fear*. Polity Press.

Benczes, I., Kollai, I., Mach, Z., Vigvári, G. (2020). Conceptualisation of neo-traditionalism and neo-feudalism. *Poprebel*.

Billioud, S., Thoraval, J. (2015). *Le Sage et le peuple. Le renouveau confucéen en Chine*. Oxford University Press.

Chacko, P. (2023). Disciplining India: paternalism, neo-liberalism and Hindutva civilizationalism. *International Affairs*, 99(2), 551-565.

Giddens, A. (1994). Living in a post-traditional society. In Beck U., Giddens A. and Lash S. (Eds.) *Reflexive modernization. Politics, tradition and aesthetics in the modern social order*. Polity Press.

Hobsbawm, E. (1983). Introduction: Inventing traditions. In Hobsbawm E. and Ranger T. (Eds.). *The invention of Tradition*. Cambridge University Press.

Jowitt, K. (1983). Soviet Neotraditionalism: The political corruption of a Leninist regime. *Europe-Asia Studies*, (35), 275-297. <https://doi.org/10.1080/09668138308411481>

Mach, Z. (2022). Right-wing populism, Euroscepticism, and neo-traditionalism in Central and Eastern Europe. In *The Right-Wing Critique of Europe*. Sondel-Cedarmas, J, Berti, F. (Eds.) Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781003226123-4>.

Mawdsley, E. (2006). Hindu nationalism, post-colonialism and environmental discourses in India. *Geoforum*, (37), 380-390. <https://doi.org/10.1016/j.geoforum.2005.06.004>

Melito, F. (2022). Anti-colonial neo-traditionalism in Central-Eastern Europe: A theoretical examination. *New Perspectives*, 30(4), 349-366. <https://doi.org/10.1177/2336825X221135127>

Spear, T. (2003). Neo-traditionalism and the limits of invention in British colonial Africa. *The Journal of African History*, 44(1), 3-27. <https://doi.org/10.1017/S0021853702008320>

Susser, A. (2014). The Contemporary Middle East: The Resilience of Traditional Society. 8(7). 1-6.

Thompson, J. B. (1996). Tradition and Self in a Mediated World. In Heelas P. Lash S. Morris. P. (Eds.) *Detraditionalization. Critical Reflections on Authority and Identity*. Blackwell.

Walder, A. G. (1986). *Communist Neo-Traditionalism: Work and Authority in Chinese Industry*. University of California Press.

Womack, B. (1991). An Exchange of Views about Basic Chinese Social Organization Review Essay: Transfigured Community: Neo-Traditionalism and Work Unit Socialism in China. *The China Quarterly*, 126, 313-332. <https://doi.org/10.1017/S0305741000005221>

Beck, W. (2000). Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modernu [Risk Society. Toward Another Modernity]. *Progress-Tradicija*. (In Russ)

Bukalova, S. V., Merkulova, K. G. (2021). Current Problems and Priorities of Cultural Policy in Russia in the Context of the Ideology of Neotraditionalism. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*, 4 (148), 27-35. <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2021-4-27-35> (In Russ)

Vasiliev, A. V. (1996). Riesebröt, M. Pious Passions. The Emergence of Modern Fundamentalism in the United States and Iran. *Social'nye i humanitarnye nauki. Otechestvennaja i zarubezhnaja literatura. Ser. 5, Istorijskaja i informacionno-analiticheskij zhurnal*, (4), 231-232. (In Russ)

Goffman, A. B. (2015). Tradicija, solidarnost' i sociologicheskaja teorija [Tradition, Solidarity, and Sociological Theory]. *Novyj Hronograf*. (In Russ)

Lamazhaa, Ch. K. (2010). Archaization, Traditionalism, and Neotraditionalism. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, 2, 88-93. (In Russ)

Mikhaleva, A. A. (2022). "The Power of Tradition": A Neotribalist Understanding of Politics in the Republics of the Russian Far East. *Mir Rossii*, 31(2), 144-162. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2022-31-2-144-162> (In Russ)

Neotradicionalizm: arhaicheskij sindrom i konstruirovaniye novoj social'nosti v kontekste processov globalizacii [Neotraditionalism: Archaic Syndrome and the Construction of a New Sociality in the Context of Globalization Processes] (2019). Ed. by V.V. Bocharov, V.A. Popov, Centr informatizacii obrazovaniya «KIO». (In Russ)

Oreshkova, Yu. A. (2013). Mythological Consciousness of an Ethnic Group in the Context of Ethnic Neotraditionalism. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*. (6). 138-140. (In Russ)

Popkov, Yu. V., Tyugashev, E. A. *Jetnokul'turnyj neotradicionalizm i identichnost' v sovremennyh sociokul'turnyh transformacijah* [Ethnocultural Neotraditionalism and Identity in Modern Sociocultural Transformations]. Izd-vo NGTU, 2020. (In Russ)

Prostranstvo i vremya v arhaicheskikh kul'turah [Space and Time in Archaic Cultures] (1992). Ed. by I.V. Sledzevsky. In-t Afriki. (In Russ)

Sereda, M. V. (2011). Women as Subjects of Neotraditionalist Gender Policy. *Zhenshhina v rossijskom obshchestve*, (3), 94-98. (In Russ)

Tyan, V. V. (2019). Neotraditionalism as a Factor in Neoconservative Modernization: Specifics of the Evolution of Power and Management. *Upravlenie*, 1, 128-136. <https://doi.org/10.26425/2309-3633-2019-1-128-136> (In Russ)

Uzunov, V. V. (2023). Factor of Neotraditionalism in the Development of Consolidation Practices in Southern Russia. *Gumanitarnij Juga Rossii*, 12(3), 46-56. <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2023.3.4> (In Russ).

Для цитирования: Башмаков, И. С. Неотрадиционализм в политике: факторы, модели и механизмы реализации в современных условиях / И. С. Башмаков // PolitBook. – 2026. – № 1. – С. 44-64. – DOI 10.24412/2227-1538-2026-1-44-64.